

когда в горном наречии марийского языка при образовании желательного наклонения вспомогательный глагол принимает суффикс желательного наклонения. При этом значение такого сочетания становится желательно-условным: *Mañ inem älnëžä* 'Я хотел бы плыть' (с. 128).

Нельзя не согласиться с А. Алхониеми, когда он марийские причастия делит на активные и пассивные: это, как нам кажется, более отвечает их сущности (с. 136). Убедительно мнение А. Алхониеми и о том, что причастие будущего времени из-за своего будущее-долженствовательного значения может употребляться в качестве инфинитива (с. 138).

В разделе о словообразовании достаточно подробно рассмотрены все способы марийского словообразования, значения суффиксов определены правильно. Только в одном случае нельзя согласиться с автором, когда он в марГ *jaral* 'годный' находит суффикс *-al* и исторически возводит его к уменьшительному суффиксу. Форма же *jaral*, по его мнению, первоначально была деепричастием без суффикса *n*: *jaralän* — *jaral* (с. 154). В марийском языке, особенно в горном наречии и волжском говоре лугового наречия, широко употребляется суффикс чувашского происхождения *-le, -lo, -lõ, -lã, -lə*, образующий прилагательные: *kuatle, kuatlã* 'сильный'. Этот суффикс в указанных диалектах образует прилагательное *jõrale, jaral* 'годный' от заимствованной из татарского языка отглагольной частицы *jõra, jara* 'ладно', ср. *jõraš, jaraš* 'быть годным', По-

этому в *jaral* 'годный' не следует выделять суффикса *-al*: здесь суффиксом служит только *l* из-за отпадения конечного гласного вследствие редукции его. В волжском говоре конечный гласный суффикса сохранился без редукции, ср. *jõrale* 'годный', *jõra* 'ладно', *jõraš* 'быть годным'. Таким образом, рассматриваемый суффикс никакого отношения к деепричастной форме не имеет. В нашей работе (Историческая грамматика марийского языка II, Йошкар-Ола 1966) это прилагательное незаслуженно не нашло отражения.

В рецензируемой книге встречаются некоторые опечатки и фактические неточности. Например, на с. 70 автор пишет, что показатель множественного числа *-šamäč* в литературном марийском языке употреблялся до 1950 года. Однако он и сейчас в лугово-восточной литературной норме имеет право на существование (см. Марий орфографий мутер, Йошкар-Ола 1972, с. 7). На с. 12 напечатано *šären pišten älä* вместо *šären pištem älä*, так как перевод дан в форме 1-го лица единственного числа 'olisin levittäny'. На с. 133 напечатано *kučaltašat* вместо *kučältašat* 'tarttumaan'.

А. Алхониеми проделал большую и очень полезную работу. Книга написана корректно, с глубоким знанием предмета. Материал в ней систематизирован с учетом задач учебного пособия. Отмеченные выше некоторые спорные и неточные моменты не умаляют ее значения. Книга, безусловно, будет интересна для финно-угроведов.

ИВАН ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.1.13>

И. В. Тараканов, Удмуртско-тюркские языковые контакты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Устинов 1985.

15 апреля 1986 года в Институте языкознания Академии наук СССР на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации доцентом Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР И. В. Таракановым по теме «Удмуртско-тюркские языковые кон-

такты». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту), И. С. Галкин (Йошкар-Ола), доктор филологических наук член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев (Москва).

На протяжении долгой истории финно-угорские народы контактировали с представителями разных языковых семей.

Первые контакты, как известно, относятся к периоду финно-угорского праязыка. Контакты с индоиранскими племенами, имевшие место в те отдаленные времена, оставили следы в словарном запасе всех финно-угорских языков. Позднейшие же заимствования дифференцируются больше. Так, в прибалтийско-финских языках полностью отсутствуют тюркизмы, в то же время широко представлены германские, балтийские и славянские заимствования: соседями прибалтийско-финских народов были народы, говорящие на индоевропейских языках. Иное наблюдается в других финно-угорских языках, значительную часть лексики которых составляют слова тюрко-татарского происхождения, слова же германского или балтийского происхождения могут и отсутствовать (например, в пермских).

Тюркизмы, проявляющиеся наряду с лексикой и в грамматической структуре, особенно многочисленны в удмуртском языке. Детальному анализу различных пластов заимствований, выявлению их взаимного влияния, а также влияния удмуртского языка на чувашский, татарский и башкирский посвящена рецензируемая (с приложением — 542 машинописные страницы) работа И. В. Тараканова «Удмуртско-тюркские языковые контакты». Хотя проблематика сама по себе не нова (начиная с работ Б. Мункачи в прошлом веке, этот вопрос интересовал многих исследователей), по ряду причин тема остается актуальной. В имеющихся трудах немало противоречий и ошибок. Отсутствуют более широкие обобщения, нет согласованности с данными новейших археологических исследований, без чего немислима точная периодизация старейших этапов заимствования.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что благодаря строго критическому отношению автора к сделанному ранее и обширному привлечению нового языкового материала достигнут новый качественный уровень исследования удмуртско-тюркских языковых контактов. Работа И. В. Тараканова отличается надежной теоретической и методической базой и научной новизной. Получен более или менее исчерпывающий ответ на поставленные вопросы: 1) по возможности полное выявление древнетюркской, болгарской и татарской лексики в словарном составе удмуртского

языка; определение конкретного источника и приблизительного времени их проникновения; 2) анализ изменений, происшедших в болгаризмах и татаризмах в лексико-семантическом плане в результате функционирования их в лексической системе удмуртского языка и в связи с этим определение места заимствований в системе современного литературного языка; 3) изучение особенностей фонетико-морфологической ассимиляции заимствованных слов на примере болгарских и татарских заимствований и установление критериев распознавания последних; 4) выявление словообразовательных средств тюркского происхождения и описание процесса образования новых словопроизводительных моделей в удмуртском языке; 5) описание некоторых явлений интерференции на фонетическом, фонологическом, морфологическом уровнях, обусловленных влиянием соседних тюркских языков.

Композиция работы соответствует поставленным задачам. Она логична и в общем целесообразна. Основная проблематика рассматривается в трех главах. В двух первых дан обзор болгарских и татарских заимствований в удмуртском языке, в третьей анализируются удмуртские заимствования в тюркских (чувашском, татарском, башкирском) языках. Такие разделы глав, как тематические группы, семантическое и фонетическое освоение, морфологическая структура заимствований, отражены в оглавлении, но лишь частично, что затрудняет быстрое нахождение их и использование богатого материала. Если приложение «Словарь тюркских заимствований в удмуртском языке» на 224 страницах дает полный перечень лексических заимствований, то общий обзор отдельных морфологических явлений следовало представить в виде соответствующего индекса. По мнению рецензента, работа отличается и некоторой асимметричностью. Возникает вопрос, почему не прослеживается особо влияние чувашского и башкирского языков на удмуртский, если в обратном направлении это делается. Поневоле создается впечатление, будто тюркизмы в удмуртском языке сводятся лишь к болгаризмам и татаризмам. Однако это явно не так, по крайней мере, что касается периферийных говоров. Примеры, относящиеся к территории Башкирской АССР, в целом носят

случайный характер; нет четкости в определении их происхождения: возможно, здесь имеет место и башкирское влияние, не только татарское. Ведь консонантизм башкирского языка значительно отличается от татарского (см. Языки народов СССР. Тюркские языки, Москва 1966, с. 177). Так, отсутствует фонема *ж*. Этот факт небезразличен и при звуковом изменении $\ddot{a} > \partial' > \ddot{z}$, которое И. В. Тараканов здесь (в отличие от своих более ранних разъяснений) полностью относит к влиянию татарского языка (с. 167). По мнению рецензента, первый этап этого изменения $\ddot{a} > \partial'$ вполне объясним внутренним развитием языка, как это имело место — без воздействий извне — и в ряде других финно-угорских и даже в самодийских языках.

В связи с периферийными говорами возникает еще один принципиальный вопрос. Автор последовательно оперирует татарским литературным языком, а не теми говорами, которые оказывали влияние на удмуртский язык. Методологически подобное решение не может быть признано правомерным, хотя оно допускается, за исключением узкоспециальных фонетических исследований. Все же представляется, что при анализе любых языковых контактов обязательным компонентом работы должна быть схематическая карта, здесь отсутствующая. Карта наглядно представила бы описываемые языковые, в том числе диалектные территории, причем особое внимание следовало бы уделить точному показу языковых островков и языков (или говоров), их окружающих.

В целом работа И. В. Тараканова производит хорошее впечатление. Правильно решены многие общие и частные проблемы. Начало тюркско-удмуртских языковых связей перенесено с VII—VIII вв. на более раннее время — III—V вв. н. э. Однако здесь, по-видимому, точнее было бы говорить о древнетюркско-пермских языковых связях. Не полагает же автор, что в те времена уже отдельно существовали коми и удмуртский языки? Не вызывает возражений предположение о существовании четырех пластов заимствований: добулгарского (III—V вв. н. э.), булгарского (VII—XIII вв.), древнетатарского (XIII—XVI вв.) и новейшего (заимствование татаризмов в современную эпоху). Все же представляется, что

заимствования добулгарского пласта нуждаются в дальнейшем исследовании. Например глагол *чиданы* 'терпеть, выдержать' имеет точное соответствие в марийском языке — *чыташ* 'терпеть', которое исследователи рассматривали как татаризм (ср. тат. *чыдау* 'терпеть'; Н. Paasonen, *Ost-tscheremissisches Wörterbuch*, Helsinki 1948, с. 161. Это исследование отсутствует в списке литературы).

При идентификации булгарских заимствований существенны чувашские звуковые критерии архаического характера, в том числе ламданзм и ротацизм, отличающие чувашский от других тюркских языков. Ср., например, удм. *бултыр* и чув. *пултыр*, а тат., башк. *балдыз* 'свояченица; вторая жена'. Следует подчеркнуть умение автора использовать и более косвенные критерии, например, *ана* 'полоса земли' одинаково встречается как в удмуртском, так и в чувашском языках; однако древнебулг. *η* не исчез бесследно — он известен на периферии удмуртского языка (*аηа*).

Некоторые исследователи (М. Р. Федотов, В. И. Алатырев и др.) преувеличивали роль булгаризмов. И. В. Тараканов указывает, что вероятное число булгаризмов в удмуртском языке равняется примерно 200, тюркизов же в разных пластах насчитывается около 1980, производных основ — более 1400. И. В. Тараканову следовало бы проверить и правильность этимологии удм. *йэтин*, *дэтин* бавл. 'лен, льняной', которое предшествующими исследователями обоснованно рассматривалось как татарское заимствование. По мнению рецензента, нуждается в пересмотре, уточнении и удм. *ашкыныны* южн. 'шуметь (о людях)', мар. *ажгынаш* то же от чув. *ашкан*. Однако известно, что в первом слоге слов общетюркского (древнетюркского) лексического пласта чувашской лексики гласный *a* не сохранился в своем первоначальном виде, а регулярно изменился; ср. чув. *пус*, тат., башк. *баш* от общетюрк. *бас 'голова'. Поэтому звук *a* указывает, что такие слова переходили в чувашский язык намного позднее (см. В. Г. Егоров, Современный чувашский язык I. Чебоксары 1954, с. 113). Некоторые слова И. В. Таракановым рассмотрены как булгарские заимствования, а в приложении непоследовательно отнесены к та-

тарским, например на с. 76 *йон, йэн* 'способ, средство, возможность' от чув. *юнь* 'бодрость, крепость, сила (духа), толк, смысл', а на с. 416 то же слово от тат., башк. *юнь* 'толк, способность'. В то же время при словосложении возможно комбинирование слов, относящихся к разным пластам заимствований: *варма* + *тай* 'тесть' и *варм* + *анай* 'теща', в которых первый компонент — древнебулгарского, второй — татарского происхождения.

Впрочем композиту представляет собой и форма *сарбуну* 'акация' (с. 106), конечный компонент которой — *пу* 'дерево' является исконным (восходит к уральскому праязыку). Автор этого не заметил и отнес слово полностью к татарским заимствованиям. Для точности добавим, что и удмуртские термины родства *ныл* 'дочь', *пи* 'сын', *мэн* : *ичимэн* 'младшая сноха' являются не только общефинно-угорско-пермскими, как полагает автор (с. 109): они известны и в самодийских языках, поэтому точнее называть их уральскими. Удм. *ака, ак* и мар. *акка* 'старшая сестра' правильно отнесены к тюркизмам, однако читателю не мешало бы знать, что созвучное коми *акка* 'крестная мать' является заимствованием из прибалтийско-финских языков (ср. кар. *акка* 'старая женщина; жена'). Отметим, что это вообще любопытный корень, известный и в индоевропейских языках, например, латин. *Асса* 'кормилица Ромула и Рема' (см. SKES, с. 13). Тематическая классификация заимствований проведена детально, при этом указывается и количество лексем в каждой группе. Для наглядности было бы желательно наряду с абсолютными числами приводить также процентное соотношение и представить итоги в виде таблиц или диаграмм. Это сделало бы статистику удобной для сравнения с фактами других финно-угорских языков.

Долговременное тюрко-татарское влияние обусловило появление в удмуртском языке ряда суффиксов существительных и глаголов (*-сыр, -ак, -чи, -лык, -кай; -ла, -лаш, -лан, -тат, -дыр, -тыр* (-дыр), *-р* (-ыр) и др.). Морфология удмуртского языка также насыщена тюркизмами. Сказанное относится прежде всего к разного рода аналитическим глагольным конструкциям: *бастй вал* 'я взял раньше', *адзэмэ ван* 'я видел (когда-то)', *адзэмэ бөвл* 'я не видел (никогда)' и др. В виде калек удмуртский язык усвоил и тюрко-татарские особенности управления и синтаксиса, что в работе детально анализируется.

Указывая на факты влияния удмуртского языка на чувашский, татарский и башкирский, И. В. Тараканов умело привлекает марийский и мордовский языковой материал, частично и материал других финно-угорских языков.

Перечень литературы (более 400 наименований) достаточно представительен, однако в целях сопоставления с алтайскими языками можно было включить некоторые труды общего характера, например, фундаментальное исследование Г. Й. Рамстедта «Einführung in die altaische Sprachwissenschaft» I—III (Helsinki 1952—1966).

Работа И. В. Тараканова представляет собой обобщающее исследование большой теоретической и прикладной ценности. Она, как представляется, призвана стимулировать изучение и других пластов заимствований. Некоторые разделы исследования могут быть использованы в научной грамматике удмуртского языка, а также при университетском преподавании. Что касается приложения, то его целесообразно опубликовать в качестве словаря тюркизмов.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)